

Джон Янг

ТОТАЛИТАРНЫЙ ЯЗЫК¹

[главы из книги]

Риторика политического обмана

Сражаясь за власть и находясь у власти, коммунистические партии ортодоксального толка часто прибегают к обману и нечестной игре. Эта обманная манера просматривается и в различных языковых приемах, применяемых коммунистами. Риторические приемы, используемые с целью обмана и подлога, приносят коммунистам выигрышные баллы в полемике и пропаганде, позволяют ввести общественность в заблуждение, а также высмеять и подавить критику. По-видимому, одной только честной игры и апелляции к разуму недостаточно, чтобы обезоружить противника и завоевать поддержку в массах. Для этого необходимы вспомогательные средства воздействия.

Ниже представлены приемы языкового обмана, наиболее часто используемые коммунистами, с необходимыми пояснениями и примерами. Как можно заметить, практически все они применяются не только коммунистами. Так, когда президент, используя эвфемизм «увеличение государственных доходов», на самом деле имеет в виду повышение налогов, или оппозиционно настроенный член парламента, критикуя американскую внешнюю политику, иронически цитирует выражение «свободный мир», оба они прибегают к риторическим уловкам. Как правило, однако, эти уловки используются западными политиками спорадически, вне рамок какой-либо системы, а также довольно безыскусно и в конечном счете без большого успеха. В отличие от них, политики в коммунистических странах используют эти приемы гораздо чаще и с большей систематичностью, а также гораздо более изощренно, чем их демократические противники. В марксизме-ленинизме речевой обман является обычной составляющей устных и письменных речевых практик. По этой причине

¹ Здесь публикуется русский перевод двух глав (*Глава 8. Риторика политического обмана* и *Глава 9. Очищение языка*) из книги Джона Янга. Перевод сделан по изданию: Young J. W. *Totalitarian Language: Orwell's Newspeak and Its Nazi and Communist Antecedents*. Charlottesville: University Press of Virginia, 1992. Pp. 168-211. Перевод публикуется с разрешения University of Virginia Press © 1991 by the Rector and Visitors of the University of Virginia.

характерные для коммунистов риторические уловки необходимо рассматривать как особый класс приемов, и в силу их важности и особого значения в партийном дискурсе они должны рассматриваться в рамках любого исследования марксистско-ленинских языковых практик.

Догматическая дедукция

Одна из явных особенностей коммунистического языка заключается в искаженном способе аргументации с выведением суждений, представляемых как неоспоримые и самоочевидные факты. Спорные вопросы представляются как решенные и не требующие доказательств. Утверждения являются непоследовательными и не выводятся убедительным образом из сказанного прежде. Язык коммунистов пестрит доводами, в истинность которых следует верить «по определению», и множеством логических софизмов. Все это, по-видимому, нацелено на обман неискушенной публики.

Одну из наиболее заметных софистических ловушек представляет собой прием, который можно назвать догматической дедукцией. Речь идет о выведении заключения из идеологических посылок, принимаемых в качестве положений, имеющих статус абсолютной истины и поэтому неуязвимых и не подлежащих эмпирической верификации. Заключение при этом может быть верным с точки зрения логики, однако, поскольку оно выведено из спорной или ложной посылки, оно, по сути дела, также является ложным или, по меньшей мере, небесспорным.

Эта форма аргументации является излюбленным приемом советских коммунистов. Из множества возможных примеров процитируем отрывок из речи Брежнева:

Наши противники хотели бы найти силы, которые противостоят социализму внутри страны. Так как таких сил не существует, потому что в социалистическом обществе нет угнетаемых или эксплуатируемых классов и национальностей, был выдуман некий их заменитель и посредством лживой пропаганды фабрикуется мнимая «внутренняя оппозиция», якобы имеющаяся в социалистических странах. По этой причине создается ажиотаж вокруг так называемых диссидентов и по всему миру поднимается крик о «нарушении прав человека» в социалистических странах (Brezhnev 1979: 155)².

² *Прим. ред.:* Автор везде использует английские переводы русских источников. В нашем переводе фамилии всех авторов даны латиницей — например: Brezhnev 1979; ссылки на страницы даются по тем изданиям, которые использовал автор и которые приведены в Списке литературы (за исключением случаев, когда в оригинале нет точной библиографической ссылки). Две ссылки в библиографии, данные кириллицей, добавлены редактором. См. также сноску 5.

Рассматривая основную посылку высказывания Брежнева, которая заключается в том, что оппозиция появляется в условиях эксплуатации, можно представить этот отрывок как следующий силлогизм:

Первая идеологическая посылка: политическая оппозиция не может возникнуть в отсутствие эксплуатируемых классов и национальностей.

Вторая идеологическая посылка: в социалистическом (т. е. коммунистическом) обществе нет эксплуатируемых классов и национальностей.

Вывод: в социалистическом (коммунистическом) обществе нет политической оппозиции.

От этого спорного вывода Брежнев переходит к следующему: все разговоры о диссидентах и нарушении прав человека в коммунистических странах, ведущиеся на западе, являются не более чем пустой шумихой. Таким образом, путем догматической дедукции он опровергает западную критику политики его правительства — политику репрессий — и успокаивает советских граждан, растревоженных пропагандой «Голоса Америки». С помощью подобной же логической цепочки коммунистические диктаторы — без тени диалектического сомнения — доказывают абсурдность предположения, что в коммунистических странах может когда-либо иметься более чем одна политическая партия (или может возникнуть сама потребность в многопартийности), а также обосновывают невозможность рабочих забастовок в коммунистическом государстве.

Превращение спорного в бесспорное

Еще одной составляющей догматического дискурса являются спорные утверждения, представляемые как неоспоримые и несомненные. Человек, выступающий с подобным сомнительным утверждением, не стремится, однако, как-либо аргументировать свой вывод. Он просто делает спорное или даже явно ложное утверждение и выдает его за самоочевидный факт, который могут оспаривать разве что лжецы или сумасшедшие.

Вот некоторые примеры.

Всем известно, что массы делятся на классы... что классами руководят... политические партии... что политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями. Все это азбука. Все это просто и ясно (Lenin. Детская болезнь...: 24).

Всем известно, что Соединенные Штаты напали на Корею и стремятся поработить ее, тогда как Советский Союз нигде не ведет ни-

каких военных действий с самого момента окончания Второй мировой войны (Маленков 1952)³.

Сегодня всем хорошо известно, что имела место именно внешняя агрессия против революционного Афганистана, совершенная контрреволюционными силами, которые были организованы, вооружены и вдохновлены американскими спецслужбами совместно с китайскими военными силами. Это обусловило необходимость советского участия для защиты интересов афганского народа (Chernenko 1982).

Насколько позволяют судить имеющиеся факты, ни одно из приведенных выше утверждений не соответствует действительности. Как минимум одно из них представляется бесстыдной ложью; другие — говоря корректно — открыты для дискуссии. Тем не менее все они преподносятся как несомненная и неопровержимая истина. Можно почти с уверенностью сказать, что чиновники, которым принадлежат эти высказывания, знали, что это ложь. Несомненно, однако, что Маленкову и советской верхушке, к примеру, было выгодно критиковать США за Корейскую войну, подобно тому, как Ленину, который, как кажется, никогда не использовал выражение «диктатура пролетариата» до 1917 года, после установления большевистской диктатуры было выгодно преувеличивать важность этого понятия для марксистского учения (см.: Hunt 1957: 62–63)⁴. По этой причине каждое из спорных утверждений, выдаваемых за неоспоримый факт, направлено на укрепление общей обманной картины, представляемой коммунистами. Маловероятно, что жертвой подобных пропагандистских методов, используемых немногими оставшимися коммунистическими режимами, могут сегодня стать жители западных стран, даже если это и случалось в прошлом. Однако в тех странах, где все еще глушат радиопередачи на коротких волнах и внимательно контролируют информационные потоки, вплоть до запрещения огласки в СМИ определенных фактов, возможно, действительно немало жителей, слишком невежественных и легковверных, чтобы поставить под сомнение подобного рода спорные утверждения, представляемые как очевидные факты. По всей видимости, речь здесь

³ *Прим. ред.:* По-видимому, автор ссылается на какой-то английский перевод Отчетного доклада Г. М. Маленкова на XIX съезде. XIX съезд ВКП(б) / КПСС — единственный съезд партии, материалы которого не были выпущены отдельным изданием (см. электронное издание: <http://lib.rus.ec/b/418135>).

⁴ *Прим. ред.:* Это неточно. Ленин использовал это выражение в работе *Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения* (1902), *Две тактики социал-демократии в демократической революции* (1905), *Социализм и крестьянство* (1905), и других. При этом в отношении «выгоды» автор, безусловно, прав.

идет даже не об убеждении в чем-либо этих людей, а скорее о поддержке в них постоянного некритического принятия партийной линии.

Прием превращения спорного в бесспорное легко прослеживается в коммунистических письменных текстах. Как видно на примере процитированных высказываний, его обнаруживает наличие таких фраз, как «всем известно», «очевидно, что» и «история показала». Вообще, когда коммунисты говорят о чем-то как хорошо известном, очевидном или общепризнанном факте, можно быть уверенным, что почти ничего из этого не соответствует действительности. Напротив, как это часто и происходит, правда оказывается даже противоположной сказанному.

Апелляция к большинству

Пятьдесят лет назад недавно созданный тогда в Нью-Йорке институт анализа пропаганды определил прием апелляции к большинству (*bandwagon*) как средство заставить человека последовать за толпой, способствовать коллективному принятию пропагандистской программы. Основой здесь является посыл: «Так все делают» (*Propaganda* 1938: 7). Применяя это определение к коммунистическому дискурсу, можно считать апелляцию к большинству способом уверить граждан в том, что множество людей следуют за коммунистической партией и — более того — только у ненормального меньшинства хватило бы смелости и моральной распушенности не последовать за ней. Как и в случае с превращением спорного в бесспорное, апелляция к большинству часто содержит клише «все честные люди» и «все прогрессивные силы», обнаруживающие использования этого приема.

Все выдающееся умы нашего поколения восстают против капиталистической системы (Pieck 1935: 57).

Всем честным людям хорошо известно, что СССР — это абсолютно миролюбивое государство, единственное по-настоящему миролюбивое государство на планете (Cachin 1935: 13).

Важные положительные изменения достигнуты в Европе благодаря стабильной и конструктивной политике Советского Союза, проводимой совместно с братскими социалистическими странами и при поддержке всех миролюбивых, реалистически мыслящих сил (Brezhnev 1979: 7).

Очевидный подтекст таких утверждений состоит в том, что поддерживать капитализм и противостоять международной разрядке или же обвинять Советский Союз в агрессивных действиях может только нечестный и не мыслящий реалистически поджигатель войны небольшого ума.

Это, по всей вероятности, поддерживает представление рядовых членов партии о том, что вся прогрессивная и миролюбивая общественность стоит плечом к плечу рядом с ними в борьбе против империализма и реакции. Однако не менее важной функцией приема апелляции к большинству, чем укрепление духа, является и возвращение покорности и приспособленчества, а также принуждение к принятию партийной линии. Стремление рядовых членов партии жить в согласии с установленным порядком и неведение, в котором они пребывают, в совокупности с эмфатическим тоном и убежденностью оратора ведут к восприятию обращенных к ним слов как неопровержимого факта. В капиталистических странах прием апелляции к большинству используется в рекламе, чтобы продать машины и мыло; партийные же пропагандисты используют его, чтобы «продать» народу политический курс, политическую программу или же собственно политическую партию.

«Измы» в коммунистической пропаганде

Представим, что член партии, придерживающийся отличных от генеральной линии взглядов, поднимает вопросы относительно политического курса или деятельности партии. Приведет ли его критика партийной верхушки к появлению трещины в стальном монолите рабочего движения? Как исправить ущерб и дискредитировать критика, пока он не привлек к себе множество сторонников, а трещина не разрослась до размеров разлома? Можно быстро избавиться от него, пустив ему пулю в голову. Но к чему превращать его в мученика? Гораздо выгоднее представить его злодеем. Формула проста: прибавить к его имени суффикс «-изм». Тогда на исторической сцене внезапно возникает новый еретик, обрекающий верующих на гибель с помощью новой идеологической системы: «троцкизма» или «бухаринизма» — предложенной как вызов традиционному учению (см.: Zwerdling 1974: 11). Партия бьет тревогу и тем самым сплачивает свои ряды под гордым знаменем с портретами Маркса и Ленина. Вызов принят и преодолен, партийное единство сохранено, еретик вытеснен и отброшен в идеологические сумерки. И вовсе не важно, что несчастный критик стремился только к партийной реформе, а не созданию своего отдельного движения через отход от главной линии. Важно только, что лидеры партии принесли его в жертву во имя единства пролетариата.

Как было много раз продемонстрировано коммунистическими партиями, присоединение отрицательно окрашенного суффикса «-изм» к понятию или имени собственному может служить приемом, который используется для консолидации партии и защиты вождя от внутренней

критики. В течение многих лет один за другим появляются мнимые сторонники партийного раскола, и всех их партия низвергает, не давая их взглядам объективной оценки. От этой необходимости партию освобождает превращение этих людей в «измы».

С помощью тех же средств, которые партия использует для стигматизации людей, она дискредитирует и идеи. Добавление суффикса «-изм» имеет при этом следующий эффект: в глазах введенной в заблуждение и дезинформированной общественности эти идеи начинают казаться чем-то совершенно пагубным и разрушительным. Так, большинство людей, например, предпочли бы умеренную политическую реформу жестокой революции, профсоюзы обычно представляются подходящей институцией для организации действий рабочих, а науке позволено занимать непредвзятую и независимую от классовых интересов позицию. Партия же избавляется от этих понятий, ловко прикрепляя к ним «-изм» (и аналогичные суффиксы), чтобы образовать производные «ревизионизм», «трейд-юнионизм» и «объективизм в науке» — существительные, которые звучат особенно зловеще, когда употребляются в сочетании с пейоративным прилагательным, таким, например, как «буржуазный».

Благодаря магии суффикса «-изм» чистые абстракции вызываются к жизни и приобретают демонический размах и силу. Когда коммунисты говорят, что «капитализм» захватывает леса и кует оковы для рабочего класса, а «мировой империализм» экспортирует контрреволюцию и терроризм, то, скорее всего, человеку, не осведомленному об истинном положении вещей или не способному представить конкретную действительность, будут представляться не государство, индивиды или политический курс, ответственные за эти якобы совершенные преступления, а некая бесчестная сверхчеловеческая сила. Пропагандистам, на которых возлагается задача всю сложность явлений и процессов свести к набору простых конструкций, создать образ внешнего врага и прочие фантомы, порождающие страх в народных массах, и сохранить тоталитарную сплоченность в коммунистических обществах, персонафицированные абстракции и вообще использование производных с суффиксом «-изм» оказывают большую поддержку.

Ироническое цитирование

Идеологи левого и правого толка, нетерпимые к чужим политическим взглядам и не признающие за своими оппонентами ни одной здоровой мысли и благородного мотива, часто будут дискредитировать их, иронически цитируя их слова. Непревзойденным мастером такого цитирования был Ленин. Этот факт еще в ранние годы советской власти отмечал

Юрий Тынянов в своей пронизательной статье о языке Ленина: «Из фразы противника изымается слово и ставится под кавычки (графические или интонационные). Стоит просмотреть статьи и речи Ленина, чтобы увидеть, что они пестрят этими кавычками. Ленин любит говорить словами оппонента, но он их заставляет заподозривать, лишает их силы, оставляет от них шелуху» (Тынянов 1970: 93). Большая часть работ Ленина в основном и состоит из иронических отсылок к «революционным» лидерам Второго Интернационала, «демократическим республикам Америки и Франции» и прочих презрительных усмешек в адрес всех и всего, что вызывало в тот или иной момент его неприязнь (Lenin. *Детская болезнь...: 22; Lenin. Империализм...: 191*)⁵.

Использование иронических кавычек остается типичным полемическим средством марксистско-ленинских партий, члены которых регулярно прибегают к нему, чтобы поставить под сомнение невыгодный для них факт, а также, подобно Ленину, принизить оппонента и в фигуральном смысле отхлестать его или же преуменьшить значимость его точки зрения. На всем протяжении Холодной войны преемники Ленина высмеивали понятие «свободного мира». Недавний пример — обвинение в сторону администрации президента Картера, сделанное с большой долей нездорового юмора, в «абсолютно лицемерной заинтересованности „равами человека“, а также критика западных заявлений о «пресловутой „советской военной угрозе“» (Program CPSU 1961: 202; Brezhnev 1979: 215; Chernenko 1982: 12; ср.: Gorbachev 1987: 127–128; 217).

В этой же функции коммунистические агитаторы часто используют выражения «так называемый», «мнимый», «якобы». Так, советский журналист во время выступления на американском телевидении по поводу фотографий советского оружия, тайно размещенного на острове Гренада, искусно отрицает факты, говоря о «так называемых винтовках и гранатах»⁶.

Брежнев часто критиковал «так называемые западные демократии» и западных поджигателей войны, которые лязгают зубам от злости из-за «мнимой советской угрозы» (Brezhnev 1979: 60, 149). Эта клевета, правда, создается сейчас настолько механистично и ритуально, что ей явно недостает особого стиля и силы ленинских пассажей, как, например,

⁵ *Прим. ред.:* Для ссылок на Ленина по техническим причинам сделано исключение из общего правила. Автор ссылается на английское издание собрания сочинений: *Lenin V. I. Collected Works. Vols 1–45. London: Lawrence and Wishart, 1960–1970.* Ссылки в тексте даны (Lenin. [сокращенное название статьи], а в библиографии названия и страницы соответствующих статей даны по русским изданиям (5-му и 4-му) по сайту: <http://uaio.ru/vil/vilfrfs.htm>).

⁶ *Adams J. Nightline:* программа телевизионного канала ABC, 27 октября 1983 г.

относящегося к Временному правительству определения «так называемые социалистические представители так называемой революционной так называемой демократии», — несомненно, написанного с наслаждением и ревностным презрением (цит. по: Waller 1972: 63 сноска). В сочетании с использованием кавычек иронической цитации такие слова, как «так называемый», могут служить источником саркастических высказываний двойной силы: например, «мнимая „советская угроза“» (Черненко), «так называемые „личные свободы“» (Сталин) и «так называемая „гибкость“» (ТАСС). Последняя фраза характеризует позицию США в переговорах по ограничению и сокращению стратегических вооружений (Chernenko 1982: 239–240; см. также: Hunt 1957: 6, где цитируется Сталин; кроме того, см.: ТАСС 1983: 16)⁷.

Будет справедливым отметить, что сами коммунисты, как кажется, не считают этот риторический прием нечестным и наносящим в дискуссии удар ниже пояса. Однако, с их точки зрения, к искажению языка и насилию над языком регулярно обращаются вовсе не коммунисты, а капиталисты. Следовательно, когда капиталистические страны называют себя свободными и демократическими или же подчеркивают свои мирные намерения, стремление к правде и порядочности заставляет партию превращать белое в черное любыми доступными ей средствами. Так, в этой связи восточно-германский исследователь теории коммуникации писал в 1971 году следующее:

Если этот прием [ироническое цитирование и выражение «так называемый»] используется в социалистической агитации, то он, непременно, выступает как инструмент разрушения иллюзий, вскормленных политическим языком империализма и его идеологами, и инструментом обнажения истины. Западная Германия, где царит монополия капитализма, хвастается, например, «свободными выборами». Однако, как показывает анализ политического уклада, существующего в государстве с монополией капитализма, выборы в этих условиях фактически не могут считаться свободными. Социальная система и ее институты не позволяют трудящимся массам осознать общественные отношения, и прежде всего характер власти на более глубоком уровне, и при голосовании делать выбор, обладая экспертным знанием. Поэтому представляется вполне корректным и объективным говорить или о «так называемых свободных выборах», или же о «свободных выборах». Таким образом, с помощью синтаксических и семантических инструментов мы пытаемся ослабить и разрушить эти слова (Klaus 1971: 150).

⁷ Сообщение ТАСС от 6 октября 1983 г., — цит. по: Current Digest of the Soviet Press, 2 November.

При этом опубликованные признания бывших членов партии иногда свидетельствуют о наличии у коммунистов скрытых намерений. Например, Артур Кёстлер (Arthur Koestler), несомненно, знакомый не понаслышке с положением дел в партии, упоминал, что использование иронического цитирования и другие риторические обманные приемы коммунистов нужно понимать как часть более широкого механизма, призванного препятствовать развитию у членов партии независимого и критического мышления:

Рутинность языка, напоминающая катехизис техника постановки риторических вопросов с повторением их в ответе, использование стереотипизированных прилагательных и обесценивание позиции или факта с помощью простого заключения слов в кавычки и придания им иронической интонации («революционное» прошлое Троцкого, «гуманистическое» бляение «либеральной» прессы, и т. д.) являлось неотъемлемой частью стиля, неоспоримым мастером которого был Сталин и который за счет своего чрезвычайного однообразия оказывал отупляющее и гипнотическое действие. Два часа диалектической барабанной дроби — и ты уже не знаешь, мужчина ты или женщина, и готов принять любой из двух возможных ответов, как только неверный будет заключен в кавычки. Кроме того, ты готов поверить, что социалисты являются: а) твоими главными врагами, б) твоими настоящими союзниками; социалистические и капиталистические страны: а) способны мирно существовать бок о бок, б) не способны мирно существовать бок о бок; и что когда Энгельс писал о невозможности построить социализм в одной отдельно взятой стране, он имел в виду в точности противоположное (Koestler 1949: 47–48).

Другими словами, с помощью этих риторических уловок взращивается двоемыслие.

Пейоративные префиксы⁸

В том виде, в каком префиксы «не-», «анти-» и «псевдо-» часто встречаются в советском дискурсе, их использование преследует как минимум четыре цели.

Во-первых, с их помощью удается высмеять противника и поставить под сомнение его взгляды. Например, в первые годы существования

⁸ Термин «пейоративный префикс» принадлежит Хуго Мозеру (Moser 1962); см. также: Pechau 1935.